

Юозас БУДРАЙТИС:

ОБЪЕКТИВ — ЭТО БОЖЬЕ ОКО

Дебют в фильме Витаутаса Жалакявичюса «Никто не хотел умирать» поделил жизнь Юозаса Будрайтиса на две части. До фильма он рисовал, колотил ящики для конфет, убирал урожай в Казахстане, служил в армии. После — снимался в кино, играл в театре, не состоял в партии. Жил от фильма к фильму. Много ездил — ему везде было тесно. Теперь Будрайтиса знают как атташе по культуре литовского посольства в России. Настоящий дипломат: корректен, не любит прямых утверждений и однозначности. Улыбка — как вопросительный знак. Ему шестьдесят.

Наталья СКЛЯРОВА

— Чем больше с годами я не люблю давать интервью, тем чаще ко мне за ними обращаются. Думаешь: ну что еще нового можно сказать? Но — дурной характер — соглашаюсь. Говорить о себе — это очень скучно. Не хочется выглядеть самохвалом, да и не всегда тебя понимают. Я сам, например, очень хотел бы поговорить с Аверинцевым, я его обожаю.

— Из кино вы тоже ушли, потому что боялись, что вас не поймут?

— Не боялся, а просто подумал: зачем мне это нужно? Я не говорю, что больше никогда не буду сниматься. Если почувствую сильный фильм — уровня «Никто не хотел умирать», — то почему бы и нет? Эта картина имела мифический успех, породила моду на приключенческий жанр. И все актеры, задействованные в нем, имели спрос. Чистая случайность. Теперь я не профессионал, а любитель. Меня не сковывает ответственность за постоянную работу. Ну, играл бы я сейчас трех-четырех дедушек. Или гангстеров.

— Литовских актеров — Артмане, Баниониса — вообще теперь не видно.

— Из литовском кино они никуда не делись. Но те, кто меня знают, уже пенсионеры. А кому двадцать, не знают, кто такой Будрайтис.

— И вам не обидно?

— Нет, мне не обидно. Хорошее кино и не было массовым искусством. Просто когда реальная жизнь бедна событиями, как это было в советское время, смотрят все. Если актер снимался в одном фильме, то его тут же видели в двух других, и уже он продолжал создавать миф о кино и о себе. Если тебе предлагали работать в фильме о секретаре обкома, то ты мог отказаться, но тебе тут же предлагали фильм о директоре завода.

— Почему не получилось картины с Антониони? (В свое время знаменитый итальянец приглашал Юозаса Будрайтиса. — Н.С.)

— До меня дошли разговоры, что у Антониони сценарий был в голове, а не на бумаге. Нашим это показалось подозрительным — у нас же сценарии много раз проверялись, утверждались, подписывались. В Рим меня просто не выпустили, и я особо не интересовался, почему.

— С режиссером фильма «Никто не хотел умирать» Витаутасом Жалакявичюсом вы общались много лет.

— Я закончил у него режиссерские курсы. Он не давал советов, не любил плоскостей, не мог терпеть неподвижных выражений. К кому-то подходил мягко, над кем-то издевался (одна актриса рыдала от общения с ним), но результата добивался. Я

Дмитрий АСТАХОВ

на него злился. В молодости думаешь, что старики уже свое сказали и ты сделаешь нечто абсолютно новое. А потом оказывается, что новое сказать почти невозможно.

— Почему вы всегда отказывались работать зимой?

— Потому что холодно. Ненавижу холод. Ведь часто приходится играть в одном пиджаке, иногда даже без носков. Было время — мне нравился риск, я брался за все, даже трюки сам пытался делать. Потом упал с обрыва, сломал позвоночник, долго лежал в больнице и больше уже не рисковал. Для меня зима просто была отпуском, ведь

в другое время я играл в по два три фильма в год. А зимой сидел дома, шлялся по улицам, фотографировал...

Когда идет дождь, неважно, куда ты зайдешь: в кафе, в подъезд или в театр — главное, чтобы не протекала крыша. Я направлял объектив на тех самых актеров, которые были всем известны. Мне нравилось над ними смеяться. Если у актера был длинный нос — я делал еще длиннее. У Сурена Бабаяна были огромные глаза — я снимал так, чтобы они казались еще больше. Но женщин всегда старался сделать красиво: если ноги были короткими, я их удлиннял.

— Никто не обижался?

— Некоторые даже переставали разговаривать. Меня это удивляло. Я ведь и над собой смеялся — складывал две половинки лица, делал рот до ушей.

— А театр вы так и не полюбили?

— Жалакявичус мне так и сказал: «Театр тебя испортил для кино». Я с ним согласен. Потому что в кино чем непосредственнее, чем меньше науки, тем лучше. А в театре нужно кричать, чтобы все тебя услышали. В кино ты остаешься собой — просто ситуация тебя выносит на новый уровень. Объектив — это как Божье око.